Е.З.

Осколки одного круга

18+

Е. З.

Осколки одного круга

«Автор»
2026

З. Е.

Осколки одного круга / Е. З. — «Автор», 2026

Новелла. Планируется графическая адаптация.В его теле спят два разума, а в груди бьется чужая, древняя сила. Девятнадцатилетний Яр — изгой в родной деревне. Большинство селян обходят его стороной, считая проклятым, но именно к нему обращаются за помощью, когда с полей начинает исчезать пшеница, а люди — падать замертво.

© З. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дербенник. 5
Глава 2. Зверобой. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Е. З.
Осколки одного круга

Глава 1. Дербенник.

Сухой зной висел над деревней плотным маревом, выжимая последние соки из земли. Лан стоял у тяжелых дубовых ворот, привалившись плечом к нагретому солнцем частоколу. Сквозь узкую смотровую щель в воротах он вглядывался в золотое море пшеницы.

Там, в самом сердце поля, где колосья стояли особенно густо, воздух будто дрожал вокруг танцующей фигуры Полудницы. Высокая, тонкая, сотканная из раскаленного воздуха и солнечного жара, она перебегала от стебля к стеблю. На ней было истлевшее льняное платье, когда-то бывшее белым, а теперь серое от пыли. Там, где ступала её босая нога, почва мгновенно чернела, редкая трава сворачивалась и осыпалась серым пеплом прямо на сухую землю. Лицо духа было бледным, почти прозрачным, а глаза горели тусклым, безумным огнем.

Недалеко, тяжело переставляя мохнатые козлиные ноги, бродил Полевик. Старый, заросший бурой шерстью до самых глаз, с маленькими рожками, криво торчащими изо лба. В одной руке он сжимал пучок гнилого сена, в другой — травяную веревку. Он не танцевал — он тяжело дышал, и от каждого его выдоха над полем поднималась волна липкого, удушливого зноя.

Лан сжал кулаки так, что побелели костяшки. За этот год Полудница погубила семерых. Мужики, бабы, дети — всех забирала, стоило кому-то задержаться в поле после полудня. Жрецы с их громкими требами лишь на время отгоняли её к лесу, но дух всегда возвращался.

— Опять высматриваешь? — знакомы голос прозвучал совсем рядом, заставив Лана вздрогнуть. — Третий день подряд. Она тебя, небось, уже в лицо знает.

Миролюб встал рядом, жуя травинку и щуря свои необычные, светло-карие глаза на солнце. На его смуглом лице играла самая беззаботная из всех возможных улыбок. Казалось, молодого жреца совершенно не волновало, что прямо за воротами, нечисть уничтожает урожай. Он выглядел так, словно вышел прогуляться перед обедом.

— Сколько можно? — глухо спросил Лан, не отрывая взгляда от пляшущей фигуры. — Семь душ за лето. А ваши жрецы только руками разводят, говорят, слишком сильная эта тварь.

— А что им ещё делать? Ты сам знаешь, что тут нужно кое-что по сильнее чем молитвы и дары, — Миролюб лениво сплюнул травинку и поправил тяжелую черную косу, перекинутую через плечо. — И твое стояние туточки каждый день тоже пользы не несет, Лан, только время тратишь попусту. В итоге всё равно будем просить помощи у…

Лан медленно повернул голову. Взгляд его серых глаз потяжелел, а губы сжались в тонкую линию.

— Я не буду у одной нечисти просить помощи в избавлении от другой нечисти, — отчеканил он.

— Да брось, разве ж это нечисть?

— Это не мой…, — Лан запнулся. — Это больше не тот человек, которого мы знали. И мне хватило ума это понять, в отличие от тебя. Наш долг — защищать деревню, а не ходить на поклон к нежити за помощью.

— Он не нежить, — продолжал гнуть своё Миролюб.

Лан хотел снова возразить, но перехватил взгляд Миролюба. Тот больше не улыбался и беззаботность с его лица слетела, как шелуха.

— Ладно, — сдался Лан, чувствуя, как отступает его праведный гнев. — Пошли. Но если он потребует в уплату кур или мед, я сам переломаю ему руки.

Они шли сквозь деревню молча, и каждый их шаг отдавался глухим эхом в повисшей над домами тишине. Лан шел впереди, стараясь не замечать, как провожают их взгляды.

Слева, за низким частоколом, темнел сруб старой вдовы — почерневшие бревна вросли в землю по самые окна, затянутые мутным бычьим пузырем. Справа, у резного крыльца добротной избы гончара, замерли в тени забора две курицы, и даже они не смели квохтать, провожая жрецов стеклянными глазами. Из-под ворот одного из домов, глухо рыкнув, высунулась лохматая собачья морда, но тут же спряталась обратно, словно почуяв в идущих что-то неправильное.

Миролюб, в отличие от Лана, шагал расслабленно, с любопытством вертя головой. Он без стеснения заглядывал в распахнутые калитки, кивал почерневшим от времени конькам крыш и сдул с носа липкую паутину, свисавшую с резных наличников.

Бабы у колодца, черпавшие воду, замолчали на полуслове. Одна так и застыла с коромыслом на плече, медленно и мелко перебирая оберег на шее — костяную фигурку лося; другая просто застыла, уставившись на гостей пустым, тяжелым взглядом. В приоткрытых ставнях соседних домов мелькали и тут же исчезали любопытные детские лица. Старики, сидевшие на завалинках, торопливо прятали деревянные ложки за спину и низко опускали головы, делая вид, что дремлют или вовсе не замечают процессию. У одного из плетней, скрестив руки на груди, застыл кузнец — его лицо, покрытое сажей, превратилось в непроницаемую маску, но глаза следили за каждым движением Лана.

Слухи ползли быстрее змеи: раз жрец и воин идут в сторону старого пруда, значит, беда в деревне стала совсем черной. Лан чувствовал этот липкий, тяжелый страх кожей. Он сжал челюсти так, что желваки заходили ходуном, и ускорил шаг, стараясь быстрее миновать эту узкую улочку, пропахшую сушащимися травами, печным дымом и чужой, трусливой злобой. Миролюб же лишь усмехнулся в ответ на очередной тяжелый взгляд и поправил косу, словно наслаждаясь всеобщим вниманием.

Неприметная землянка будто бы вросла в склон холма и стала его частью. Снаружи она выглядела как обычный погреб, крытый дерном, с низкой дверью. Изнутри не шел дым, не пахло ни хлебом, ни похлебкой — только сырым мхом, остывшим пеплом и чем-то еще, неуловимо чужим.

—Ты здесь, брат? — Миролюб постучал костяшками пальцев по дереву.

Ответа не последовало. Жрец толкнул дверь и заглянул внутрь. В лицо пахнуло прохладой и чем-то неуловимо древним, словно они вошли в чащу старого леса, где не ступала нога человека.

В полной темноте землянки, прямо на утоптанном земляном полу, лежал Яр. Он не спал — Лан видел, как под тонкими веками беспокойно двигаются глазные яблоки. Парень что-то неразборчиво бормотал, бледность его кожи в полумраке казалась почти трупной.

— Яр, — позвал Миролюб чуть громче. — Можно?

Парень вздрогнув приоткрыл веки, тяжело вздохнул и сел, щурясь от яркого прямоугольника света, падающего из дверного проема. Его темно-зеленые глаза казались почти черными в тени. Он выглядел так, словно не спал несколько суток, и всё его изможденное тело кричало об усталости. Когда он двигался, казалось, что под его кожей течет не только кровь, но и густая, темная вода.

— Ты тоже пришел просить о помощи? — голос Яра был тихим и безразличным. Он смотрел прямо на Лана.

Лан, стоявший за плечом Миролюба и уже яростно жалевший о том, что решил прийти сюда, вздрогнул. Яр не мог его видеть — солнце было незваным гостям в спину, оставляя воина в густой тени. Но вопрос прозвучал так, будто Яр смотрел ему прямо в душу. Словно та, вторая сущность внутри него, услышала тяжелое, полное застарелой обиды сердце Лана.

Лан открыл рот, чтобы бросить что-то резкое, но горло перехватило. Он вспомнил одиннадцать лет назад, такой же жаркий день, и то, как Яр, тогда еще обычный мальчишка, недожавшись его, ушёл один к реке. Вспомнил, как на следующий день глаза Яра стали пустыми, а кожа — белой, как известь. Лан ничего не ответил. Резко развернувшись, он кулаком по сухому косяку и вышел на улицу, под палящее солнце, не оглядываясь.

Яр чуть заметно улыбнулся одними уголками губ, провожая его взглядом. В этой горькой, понимающей усмешке не было обиды — только бесконечная, привычная тяжесть.

— Он всё еще не может принять, — хмыкнул Миролюб, переступая порог и присаживаясь на корточки у входа. — Полудница, Яр. Всё ещё лютует. Наши жрецы…ну ты сам знаешь на что они годятся, а люди мрут. Кроме тебя, никто не достучится.

— Я подумаю, — ровно ответил Яр.

Миролюб тяжело вздохнул, поднимаясь. Он хотел сказать что-то еще, но передумав, хлопнул Яра по худому плечу и вышел, прикрыв за собой дверь.

Как только шаги жреца стихли на тропинке, Яр прислонился спиной к холодной стене и сделал глубокий вдох.

— Что думаешь? — произнес он в темноту громким, звенящим шепотом. — Ты видела их лица? Больше ждать нельзя.

Воздух будто сгустился, потяжелел, запахло горькой полынью.

— Ты не должен соглашаться, — голос, прозвучавший прямо в голове Яра, был женским, глубоким, но сейчас в нем звенел холодный металл. — Полудница — не дворовая шишига, с которой можно договориться. Ты хочешь помочь, а я прошу тебя не вмешиваться.

— Опять ты за свое, Томила. — Яр снова лег и прикрыл глаза. — Мы уже встречались с ней. В прошлом году, помнишь? Она просто охраняла свой круг. Мы ни разу не применили силу, я просто поговорю с ней.

— Ты смеешься над моими страхами? — голос внутри стал тише, в нем зазвучала глухая, вибрирующая тревога. — Ты не понимаешь. Полудница достаточно сильна, чтобы вытянуть из тебя жизнь быстрее, чем мы успеем что сделать. Каждое использование наших сил выжигает тебя, Яр. Я чувствую, как трещит твое человеческое тело. Ты пустеешь.

— Лучше пустая оболочка, чем мертвая деревня, — отрезал он, открывая глаза. Темнота землянки больше не казалась ему такой густой — он видел в ней каждую пылинку, каждую нитку паутины, чувствовал медленный пульс корней под землей. — Я устал сидеть здесь и выжидать, что оно всё само разрешиться. Если я могу помочь, я помогу.

Берегиня долго молчала. Яр чувствовал, как её дух ворочается под его ребрами, тяжелый и плотный, словно спящий медведь в берлоге. — Если ты потеряешь контроль, я не смогу тебя удержать, — наконец выдохнула она, сдаваясь. — Иди. Но держись за моей спиной. И если она предложит тебе танец — не соглашайся.

— Я не умею танцевать, — Яр поднялся на ноги. Бледность на его щеках сменилась лихорадочным румянцем — тело отзывалось на пробуждение древней силы. — Ты же знаешь, я всегда осторожен.

Он подошел к двери, и неторопливо потянул её на себя. Яркий солнечный свет ударил в глаза, заставив на мгновение зажмуриться.

— Осторожность — это когда ты не лезешь в пекло ради людей, которые плюют тебе вслед, — проворчала Томила, но в её голосе уже не было прежней стали.

Яр не ответил. Он шагнул за порог и босыми ногами пошел по утоптанной тропинке в сторону пшеничного поля, туда, где в знойном мареве всё еще танцевала черная фигура Полудницы, а рядом с ней тяжело топтался старый Полевик. Его длинные волосы тяжело качались в такт шагам, а в груди, под самым сердцем, просыпалась вековая сила, натягивая человеческую кожу до предела.

Глава 2. Зверобой.

Не простой цветок, не просто стебель,
Что кивает ветру у реки,
Это — кровь Даждьбога, солнца жребий,
Света негасимого ростки.
Венком из желтых, трепетных цветов
Оберегал он от нечистой силы.
Считалось, он страшней любых оков
Для духов тьмы, что бродят у могилы.
(Е.З. 03.11.26)

Земля дышала жаром. Каждый шаг босыми ступнями отзывался тупой болью — дерн под жесткой пшеницей раскалился так, словно под тонким слоем травы скрывались угли. Яр прищурился. Полуденное солнце било прямо в макушку, выжигая воздух до сухого, звенящего хруста. Перед ним, в самом сердце поля, плясала она.

Полудница не просто двигалась — она ввинчивалась в раскаленный воздух. Её длинные, будто льняные волосы стояли дыбом от статического жара, а белое платье казалось сотканным из марева. Она кружилась, взмахивая руками, и там, где её пальцы касались колосьев, пшеница мгновенно чернела и рассыпалась в пепел.

Яр стоял на краю поля, не двигаясь. Он считал. Раз, два, три... На седьмом вдохе он медленно, почти лениво шагнул в пшеницу.

Жар ударил по ногам тяжелой плетью. Томила внутри заворочалась, её испуганный голос зазвенел от паники:

«Яр, вернись. Земля их не держит. Она сожжет тебе пятки до костей!».

«Тише, Тома,» — мысленно отмахнулся он, делая второй шаг. — *«Она меня еще даже не заметила».*

Полудница замерла. Её танец оборвался на полу движении. Она медленно повернула голову. Лицо у неё было прекрасным, почти кукольным, с высокими скулами, но глаза — два слепящих белых провала — смотрели не мигая.

— Братец, — пропела она, и голос её звучал как треск сухого дерева в огне. — Какая встреча. Она прикрыла очи ладонью, хотя смотреть на неё и так было невозможно — она сама была источником этого невыносимого света. — Как поживает моя заклятая подружка? Всё прячется в твоей тени? Кланяйся ей от меня.

— Не обязательно было выжигать половину деревни, чтобы просто поздороваться, сестрица, — Яр закатил глаза.

Улыбка сползла с её лица. Красивые черты исказила безумная, хищная гримаса.

— Половину деревни? — прошипела она, и воздух вокруг неё пошел волнами. — Я не убила никого лишнего. Только тех, кто нарушил правила. Кто посмел выйти в поле в мой час, и ты… братец... тоже находишься тут в неположенное время!

Земля под её ногами пошла рябью и вспыхнула. Слепящие лучи, похожие на расплавленное стекло, сорвались с её пальцев и метнулись к Яру.

Он не стал отбивать удар, а ловко исчез с траектории, уйдя в перекат по выжженной земле. Пшеница за его спиной вспыхнула факелом.

«Ты с ума сошел?!» — мысленный крик Томилы ударил по вискам Яра одновременно с запахом гари. — *«Там же угли! Ты в пепел сейчас стряхнешься!»*

Тень из-под его тела, вдруг вздыбилась, метнулась вперед, опережая Яра, и ударила по горящей пшенице плотной, ледяной волной. Огонь зашипел, выплевывая клубы белого пара, но не погас — пшеница продолжала тлеть, и жар от нее шел невыносимый.

Яр перекатился еще раз, уходя от второго луча, и упал на живот, вминаясь в горячую землю.

«Встань! Встань немедленно, дубина!» — Томила билась внутри его черепа, её паника передавалась самой тени — та дергалась, пытаясь укрыть хозяина от света, но только мешала. — *«Ты же чувствуешь, как всё горит! Чувствуешь?! Если ты сейчас же не поднимешься и не призовешь свои проклятые тучи, я сама тебя придушу, так и знай! Прямо изнутри!»*

Яр зашипел сквозь зубы, когда очередной луч прошел в сантиметре от его плеча, опалив волосы. Он чувствовал, как подошвы ног немеют от жара, но упрямо вжимался в землю, выжидая момент для рывка. Тень металась вокруг него черным, испуганным вихрем, пытаясь закрыть собой каждую пядь его тела.

— Тома, помолчи, — процедил он, поднимаясь. — Мне нужно сосредоточиться.

«Я не буду молчать!» — истерично взвизгнул голос в голове. — «*Я говорила! Говорила не выходить! Так же и ослепнуть можно, Яр!»*

Полудница ударила снова. На этот раз не лучами, а самой жарой — воздух стал густым, как смола, выдавливая жизнь из легких. Яр выдохнул. Из тени, что жалась к ногам, поползли черные, маслянистые жгуты. Они метнулись навстречу свету, поглощая его.

Солнце над полем начало тускнеть. Яр вскинул руки к небу, и его пальцы почернели, впитывая свет. Тяжелые, лиловые тучи, которых не было в помине еще секунду назад, с ревом поползли по небосводу, закрывая диск.

— Договоримся? — крикнул Яр, — Или немного освежим тебя дождем?

Полудница взвыла. Её свет стал яростным, пробивая первые капли влаги. Она ударила широко, целясь в глаза. Яр дернулся в сторону, но в этот момент Томила внутри взвыла так громко, что на миг перекрыла рев бури:

«Беги! Она тебя убьет! Я же говорила, не надо было выходить из дома!»

На долю секунды Яр отвлекся. Он скосил глаза, пытаясь унять её панику, найти в себе точку опоры. Этой доли секунды хватило.

Свет Полудницы не ударил — он ввинтился прямо в висок. Это не было похоже на вспышку или удар; это было вторжение. В голове будто что-то лопнуло. Не со звуком, а с сухим, мерзким хрустом, словно под тяжелым сапогом раскрошилась яичная скорлупа. Боль не пришла волной — она взорвалась сразу, заполнив собой всё пространство. Она была белой, ослепительной и звенящей, как тысяча надтреснутых колоколов.

Слух отключился первым. Рев пламени, шипение пара исчезли, сменившись высоким, невыносимым звуком. Затем зрение начало плыть. Зрачки Яра, расширенные от болевого шока, перестали сужаться даже на слепящем свету. Мир потерял четкость: черные тучи наверху превратились в разлитые чернила, золотое поле — в сплошное, пульсирующее марево. Ноги подкосились. Мышцы отказались держать вес тела, разом превратившись в жидкий кисель. Яр почувствовал, как колени ударяются о выжженную землю, но удара он уже не ощутил — нервные окончания будто сгорели. Последним, что зафиксировало его угасающее сознание, был запах. Не запах гари, а острый, металлический аромат, какой бывает после удара молнии в сухую сосну. А потом исчез и он. Боль оборвалась мгновенно, мир просто исчез.

Сознание возвращалось не вспышкой, а медленно просачивалось сквозь густую, вязкую пелену, словно ил со дна реки.

Первое, что он почувствовал — прохладу. Она не была приятной; это был тяжелый, сырой холод, который облепил спину и затылок, выдувая остатки лихорадочного жара Полудницы. Спину кололо — каждая стерня жесткой, примятой травы казалась острой иглой. Затем пришел звук. Мерное, ритмичное поскрипывание. Оно было монотонным, убаюкивающим, и на секунду Яру показалось, что он снова в своей землянке, а это просто старая ель качается на ветру. К этому звуку присоединился запах — густой, жирный дух мокрой земли и прелых листьев. Пахло так, будто только что прошла короткая, яростная гроза.

Яр открыл глаза.

Небо было близко. Слишком близко. Он лежал на спине, и прямо над ним, едва не задевая верхушки деревьев, медленно, величаво плыли грозовые тучи. Они были восхитительны. Тяжелые, темно-свинцовые, их животы казались бархатными и мягкими, но подсвеченные изнутри тревожным, багровым светом закатного солнца, которое уже спряталось за горизонт. Там, в их недрах, лениво ворочались зарницы — беззвучные, бледно-лиловые вспышки. Он залюбовался их неспешным танцем. Мозг отказывался анализировать, где он и почему лежит на голой земле; всё, на что его хватило — это завороженно следить за тем, как один исполинский пласт тьмы медленно наползает на другой, поглощая багровые отсветы.

Эта медитативная тишина продлилась, наверное, с минуту. А потом взгляд Яра, скользнув по краю свинцовой тучи, зацепился за что-то неправильное. Линия горизонта, которая должна была быть прямой, как натянутая тетива, медленно, но неумолимо ползла вниз.

Он чуть приподнял голову. Шея отозвалась тупой, пульсирующей болью. Мир накренился еще сильнее.

И тогда он понял, что тоже движется.

Какого... — прохрипел Яр и попытался сесть.

Впереди, натужно кряхтя, его тащил старый Полевик на небольшом лубяном пласте к двум толстым жердям которого была привязана обычная пеньковая веревка, которую дед намотал на сухонькое плечо. Тело Яра, тяжелое и безвольное, скользило по примятой траве, собирая на рубаху росу и сухую труху.

— Прямо утопленник, — ворчал Полевик, упираясь сухонькими руками в колени и останавливаясь, чтобы перевести дух. — Тяжелый какой… нет чтобы самому идти…лежит будто небо разглядывает.

Яр попытался приподнять голову. Он увидел только широкую, согбенную спину деда, обтянутую ветхой рубахой, и его босые, черные от земли пятки, размеренно шлепающие по мху. Веревка натянулась снова, и скольжение возобновилось

— Дедушка, — позвал Яр, пытаясь ухватиться не слушающимися пальцами за густую траву. — А куда ж вы меня тащите?

Полевик споткнулся на ровном месте от такого обращения и обернулся. Его лицо, обычно состоящее из комьев глины и сухой травы, выражало крайнюю степень возмущения.

— Раз пришел в себя, то сам иди! — буркнул он, выпуская веревку.

Яр сел, разминая затекшую шею. Голова гудела, как растревоженный улей, а во рту стоял привкус железа. Он посмотрел в спину удаляющемуся Полевику, который неспешно брел в сторону черной стены старого леса.

— А если я не пойду за вами? — крикнул Яр.

Полевик остановился и обернулся снова. Его чёрные глаза смотрели строго.

— Тогда за тобой всё равно придут. — голос старика стал низким и тяжелым. — И кто-нибудь понапористее, чем я со своей подругой.

«Иди за ним», — прозвучал в голове голос Томилы. В нем не было привычной истерики, только холодная сталь.

«С чего вдруг такая решительность?» — мысленно *спросил парень.*

«Я чувствую… что-то чужое и злое. И чем ближе мы к лесу, тем оно сильнее».

Яр тяжело поднялся на дрожащие ноги и не спеша пошел за Полевиком.

Старый лес встретил их сыростью и тенью. Как только они переступили невидимую границу, жара отступила, словно отрезанная ножом. Воздух стал густым, пахнущим прелой листвой, грибницей и чем-то сладковато-гнилым. Здесь не было солнца. Свет здесь рождался сам по себе — бледными, фосфоресцирующими пятнами на коре, тусклым сиянием мха. Деревья стояли так плотно, что их кроны срослись в единый купол, сквозь который не пробилось бы и лезвие ножа. Корни торчали из земли, как скрюченные пальцы мертвецов, хватая за ноги.

— Не отставай, — бросил Полевик, сворачивая с тропы. — Шаг влево, шаг вправо — заблудишься. Будешь до морковкина заговенья кругами ходить, пока мох на тебе не вырастет.

Лес давил. За каждым стволом чудилось движение. То хрустнет ветка под чьей-то лапой, то плеснет вода в невидимом болоте. Это было место, где законы людей переставали работать. Здесь властвовала иная, природная сила.

Они вышли на поляну внезапно, деревья внезапно расступились, открыв идеально ровный круг, поросший мхом. У большого дуба, прислонившись к нему спинами, сидели три русалки. Их кожа отливала зеленью, а длинные волосы казались сплетенными из тины и речной паутины. Они о чем-то шушукались, и звук этот напоминал скрежет когтей по гладкому камню. На поваленном стволе, закинув ногу на ногу, сидел Леший, выглядевший как пожилой, уставший мужчина в богатом кафтане, запахнутом на левую сторону. Рядом с ним, болтая босыми ногами, пристроилась Кикимора и на контрасте с соседом выглядела очень молодо и даже слегка развязно. В одной лишь красной рубахе, сползшей с узкого плеча, с длинными черными косами, в которые были небрежно вплетены дохлые стрекозы, она беззаботно болтала босыми, перепончатыми ногами.

Вся компания задумчиво смотрела в центр поляны. Там, под грудой отломанных сухих еловых веток, лежало что-то массивное.

— Яр, Томила, — кивнул Леший, не поворачивая головы. — Явились.

Яр хотел спросить, зачем его притащили сюда чуть ли не силой, но Леший махнул рукой и еловые ветки с шорохом разлетелись в стороны.

— Это упырцы? — удивился Яр, склонив голову набок. — Почему такие странные?

Леший нахмурился, но промолчал.

— А что странное ты заметил? — спросила одна из русалок и скрипуче хихикнула.

Яр подошел ближе, присев на корточки рядом с телами. Он не боялся. Мертвецы, лишенные духа снова, редко встают во второй раз, а эти, судя по всему, отдали все силы до последней капли.

— Ну… их одежда. Я такой не видел никогда. В наших краях так не одеваются. Неужели проезжих торговцев загубили?

— Мы не знаем, что случилось, — со вздохом ответил Леший, и его голос прозвучал как треск старого дерева. — Они пришли со стороны рассвета. Пока доползли до леса, всё закостенели и иссохли. Погубившая их сила явно не человеческая, но тут такой не водится. Ты бы поспрашивал у своих, может, кто знает что, иль видел. Не хватало, чтобы в наш лес пришла чужеземная напасть.

Яр наклонился ниже, всматриваясь в лица. Тела были иссушены до состояния ломкой древесины— казалось, тронь их пальцем, и они рассыплются в серую пыль. Кожа, туго обтянувшая кости, превращала черты в жуткие, застывшие оскалы. Но самым страшным было не это. У них не было глаз — только гладкие, идеально затянутые серой кожей впадины, лишенные даже намека на ресницы или веки. Языков тоже не было, губы мертвецов были судорожно раздвинуты, челюсти сведены в немом спазме, обнажая темные провалы ртов, застывших в вечном, беззвучном крике.

Но больше всего этого внимание привлекала ткань одежд. Яр провел пальцем по рукаву. Кафтаны были яркими — насыщенно-синими и алыми. И на груди каждого, переплетаясь в сложный узор, были вышиты огромные змеи с распахнутыми пастями. Таких змей в их лесах не водилось.

Голос Томилы, который обычно звучал как ворчливое эхо, ударил изнутри по черепной коробке, словно чугунный колокол.

«Змеи...» — прошептала она, и в этом шепоте не было ничего человеческого. Он был как звук сухого тростника, горящего на ледяном ветру.

Яр замер, его рука так и осталась протянутой к гладкой ткани.

— Тома? Ты видела такие узоры раньше?

«Тише!» — резко оборвала она, и голос внутри зазвучал непривычно холодно. — *«Не говори об этом вслух при всех. И ничего не трогай.»*

Тень за спиной Яра, которая до этого просто лежала на мху, дернулась, вытянулась и стала гуще и чернее. Она поползла вверх по его ногам, обхватывая колени ледяным панцирем.

«Это не наши люди, Яр», — голос Томилы стал глухим и напряженным. — *«Посмотри на вышивку.»*

Яр опустил взгляд. Он посмотрел на скрюченные пальцы мертвецов. Они не просто лежали вдоль тела — они были прижаты к груди, намертво вцепившись в края кафтанов скрюченными костяшками, словно в последние секунды пытались защититься.

«Это сделали не наши духи,» — голос Томилы дрогнул, сменяясь на глухой, животный ужас. — *«Я знаю этот узор. Эти змеи... это не наши гадюки. У них лапы».*

Яр нахмурился, вглядываясь в алую нить вышивки. Теперь, когда она сказала, он действительно увидел: у переплетенных тел были когтистые лапы, плотно прижатые к бокам, и маленькие, хищные морды. Это была не просто причудливая вязь — это был герб чужого рода, знак принадлежности к тем дальним землям, о которых в деревне не знали ничего, кроме пугающих сказок.

«Кто это?» — мысленно спросил он.

«Драконы,» — выдохнула Томила, и тень за спиной Яра зашипела, выпуская в сырой воздух облачко черного пара. — *«Большие змеи с лапами и крыльями. Они выдыхают огонь, который плавит камни».*

«Ааа…понятно. Что-то вроде наших горынычей?»

«Да, вот только очень сильно больше», — Томила запнулась. — *«….но что случилось? Местный дух тех земель убил этих людей и притащил их сюда, к нам под сень леса? Может он до сих пор где-то рядом? Но ведь духи не путешествуют! Они наполняются силой только в своих родных местах».*

Яр почувствовал, как тень за его спиной начала пульсировать в такт биению его сердца, становясь тяжелой и неуправляемой.

Разговор с Томилой шел только в его голове, скрытый от чужих ушей.

— Так, — протянул Леший, и в наступившей тишине этот звук показался громче раската грома. Хозяин леса медленно повернул голову, его глаза-буравчики смотрели прямо на дрожащую черную массу у ног парня.

Полевик тяжело, со скрипом суставов, опустился на поваленный ствол рядом с Кикиморой. Он достал из-за пазухи кисет, набитый сухой землей и толчеными кореньями, и принялся набивать ею старую, потрескавшуюся трубку из можжевельника. Его движения были медленными, нарочито обыденными, словно он сидел не посреди поляны с мертвецами, а на завалинке своей избы. Старик выпустил кольцо дыма, и оно поплыло по воздуху, медленно опускаясь прямо на лицо мертвого «упырца». Дым коснулся иссохшей кожи, и та пошла мелкой рябью, словно под ней что-то копошилось.

«Надо попробовать разговорить их души,» — мысленно произнес Яр, глядя на иссохшие лица.

«Не думаю, что к таким телам ещё может быть привязана душа,»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.